

Глава первая

Уже четыре месяца я бью баклушки: да здравствует преддипломная практика! Со временем я догадалась, по каким критериям в последний момент выбрала подходящее место. В отличие от соучеников по коммерческой школе, готовых пахать, как папа Карло, я не собиралась горбатиться, чтобы заполучить постоянный контракт. Я была лентяйкой и четко знала, чем мне нравится заниматься: использовать оба моих языка — французский и английский — и помогать людям общаться друг с другом. Я обожала говорить. Более болтливой девушки, чем я, на свете не существовало. Я сунула нос в справочник выпускников нашей коммерческой школы и наткнулась на координаты агентства переводчиков для бизнеса. Отправила им свое резюме, прошла интервью у ассистентки директора, и дело было сделано. Но, если честно, разве

они нашли бы еще кого-то, кто согласится высидеть полгода в этой норе ради получения диплома? Наверняка я была единственной, у кого они вызвали интерес, потому что предлагали практику типа “ксерокс-кофе” и при этом не платили ни цента, тогда как все мои сокурсники ежемесячно получали хоть какую-то денежку. Правда, преимущества там тоже имелись, и притом весомые: никакой ответственности, носить деловой костюм необязательно, задерживаться после окончания рабочего дня не требуется, зато можно бесплатно пить сколько хочешь кофе, а потом без проблем тусоваться со своей компанией! В другой жизни такой двуязычной девушке, как я, было бы даже интересно там работать.

В тот день я была никакая. Мы всю ночь зажигали, и мне едва удалось поспать пару часиков на раздолбанном складном диване моей сестры, постоянно пересчитывая боками впивающиеся пружины. Я явилась с более чем часовым опозданием, однако, похоже, ухитрилась проскользнуть незамеченной в чулан, служивший мне кабинетом. После обеда, когда я боролась со сном, ко мне заявилась секретарша босса на высоченных каблуках — в самый раз для такой уродки — и с ехидной улыбкой на губах. Я сразу почувствовала, что эта вечно всем недовольная девица в очередной раз попробует свалить на меня какую-то из своих обязанностей.

— Отнеси кофе в кабинет Бертрана.

— Нет, я занята. Ты что, не видишь?

— Да ладно!

Она зло улыбнулась, изучила свои наманикюренные ногти, после чего невинным голосом объявила:

— Ага, тогда как только завершишь свое важное задание, приступай к пяти папкам, которые необходимо переплести, потому что я не успею.

Да блин же! Когда нужно управляться с этой переплетной штуковиной, у меня руки будто не оттуда растут. Я склонила голову набок и послала ей такую же тупую улыбку, как у нее.

— Ладно, ладно! Сварю я кофе, так будет лучше — твой и впрямь отвратительный. Зачем злить шефа?

Раздосадованная, она поджала губы и смерила меня раздраженным взглядом, а я поднялась со стула и скорчила отвратительную гримасу, высунув язык.

Через десять минут, держа поднос и мобилизовав все силы, чтобы не растянуться на глазах у сотрудников, я вздохнула и толкнула попой дверь шефова кабинета. В нос мне шибануло текилой: вздох был слишком энергичным, а выпитый накануне алкоголь не успел выветриться.

Я вошла в кабинет и, опустив глаза, сквозь ресницы рассмотрела четверых мужчин в деловых костюмах с галстуками: их натужно-серые лица едва не заставили меня расхохотаться. Я поставила чашку перед каждым. Никому и в голову не пришло выдавить хоть жалкое “спасибо” за безупречное обслуживание. Как будто я прозрачная. Я задержалась

на пару секунд, ожидая хоть какой-то реакции, а одно и прислушалась, из чистого любопытства. Возможно, они решают проблему спасения мира от голода и потому пренебрегают минимальным проявлением вежливости? По первому впечатлению, речь об этом не шла. С другой стороны, шеф только что завис, запутавшись в английских омонимах. И эти люди называют себя переводчиками! Всему их приходится учить! Я не задумываясь сделала три шага, которые отделяли меня от его кресла, положила руку ему на плечо и с гордым видом шепнула на ухо, как выпутаться из этой лингвистической западни. Его пальцы нервно застучали по столешнице.

— Выходи за дверь, стажерка! — прошипел он сквозь зубы, одарив меня злым взглядом.

Я быстро отскочила в сторону, адресовала всем присутствующим глупую улыбку и вылетела из кабинета, как будто за мной гнались. Захлопнув дверь, я прислонилась к ней, еще раз вздохнула и расхохоталась. Ладно, теперь он хотя бы знает о моем существовании. Но какая я все-таки идиотка! Пора уже научиться держать иногда язык за зубами.

Два месяца спустя наконец-то пришло избавление. Проклятая стажировка подходила к концу. Тем не менее несколько разговоров, подслушанных под дверью — надо же было чем-то себя занять, — вызвали у меня интерес. Клиенты — сливки деловых кругов — похоже, буквально молились на на-

шего начальника и трех его переводчиков, а их работа выглядела захватывающе увлекательной. Как я поняла, они встречались с уймой интересных людей из самых разных слоев. Мне это очень понравилось, ну или, по крайней мере, раздразнило мое любопытство. С другой стороны... еще чуть-чуть — и здравствуйте, каникулы! Главное, я наконец-то смогу погрузиться в подготовку к грандиозному проекту, о котором еще никому не рассказывала. Я собиралась взять академический отпуск и отправиться в путешествие по миру с рюкзаком за спиной, а уж потом задуматься о своем профессиональном будущем. Мне хотелось повидать разные города, познакомиться с людьми, насладиться жизнью и, главное, развлечься. В шесть вечера, получив у недовольной шефовой секретарши подписанное свидетельство о пройденной стажировке, я приготовилась уходить. В последний раз проверила свой чулан, подумывая, не прихватить ли несколько ручек и блокнот, и тут раздалось:

— Стажерка, в кабинет!

Я вздрогнула. Что могло от меня понадобиться большому боссу? В одном я была уверена: чек с гонораром за проявленное усердие мне не грозит. После моего выступления я прижималась к стенке всякий раз, когда пересекалась с ним, предпочитая избежать очередного втыка. С какой приправой меня сожрут? Когда я вошла в кабинет, важная шишка яростно стучал по клавиатуре. Я стояла на вытяжку перед столом, не очень понимая, что дол-

жна делать, теребила руки и впервые чувствовала себя смешной и жалкой с моими роскошными “пумами” на ногах и рыжими волосами, причесанными а-ля дикарка.

— Что вы тут торчите у меня перед носом! — воскликнул он, не поднимая глаз.

Я присела на краешек кресла напротив него. Все так же не глядя на меня, он продолжил:

— Как мне сказали, сегодня вы у нас последний день и ваша учеба окончена.

— Ага, месье.

Он дернулся на слове “месье”. Возможно, комплексует из-за своего возраста? Как мне хотелось рассмеяться, еле сдержалась! Пресловутый кризис сорокалетних, еще бы!

— Жду вас здесь в понедельник к девяти утра.

Он впервые удостоил меня взглядом.

— А зачем? — не задумываясь, ответила я.

Он недоверчиво вздернул бровь:

— Сомневаюсь, что вы уже что-то нашли. Или я ошибаюсь?

Он предлагал мне работу, и при этом не шутил! Я не могла ничего понять. Ерзала на кресле. *Почему я?* Я ни фига не делала в течение полугода, если не считать последней выходки!

— Можете идти.

— Э-э-э... ну... ладно... спасибо, — с трудом выдавила я, натянуто улыбаясь.

Словно в замедленном кино, я поднялась со своего краешка кресла, после чего направилась к выхо-

ду и положила руку на дверную ручку, но он остановил меня:

— Яэль!

Ух ты, ему известно мое имя!

— Да.

Я обернулась и увидела, что он оставил в покое клавиатуру и откинулся на спинку кресла.

— Три вещи: два совета и один вопрос. Для начала советы: никогда больше не проделывайте со мной такие фокусы, как в прошлый раз, и займитесь работой.

Вот ужас, мне поставили двойку по поведению, как в школе!

— Обещаю, — кивнула я, попытавшись состроить огорченную мину.

— Вопрос: откуда у вас такой совершенный английский?

Я встрепенулась, как боевой петушок, одарив его хищной улыбкой.

— От рождения!

Он изумленно выгнул брови. Дурак он, или что? Этим старикам все нужно объяснять.

— Моя мать англичанка. Отец надумал завершить свое обучение архитектуре в Англии и...

— Ладно, ладно, избавьте меня от историй про вашу бабушку и любимого хомячка, я таких достаточно наслушался. Что до вашей новой должности, вы узнаете о ней на следующей неделе. Хороших выходных и не забудьте в понедельник явиться вовремя! Отныне я не потерплю опозданий. И бога ради, смените наряд...

Он потерял ко мне интерес и повернулся к монитору. Перед тем как покинуть контору, я заскочила в свой чулан за сумкой. Наполовину оглушенная, я на автомате вошла в вагон метро и рухнула на откидное сиденье. Что свалилось только что на мою бедную голову? Меня приняли в фирму, на неведомую мне должность, причем я и пальцем не пошевелила и не хотела этого. Я вообще не намеревалась работать. К тому же в их заведении отвратная атмосфера, там никогда не смеются. Берtrand даже не поинтересовался моим мнением. Но, в конце концов, я ничего не подписывала, и никто не заставит меня вернуться в понедельник. Этот тип не явится ко мне, чтобы взять за шкирку и приказать вкалывать на него. Что же, мои планы насчет путешествия теперь развеются как дым? С другой стороны, почему бы не воспользоваться случаем и не заработать немного бабок, чтобы после увольнения, через несколько месяцев, побродить с рюкзаком за спиной дольше, чем я планировала? Кто мне помешает это сделать? Да никто. Нечего и мечтать о том, чтобы родители оплатили мне кругосветное путешествие, они и так уже изрядно вложились в мою учебу, я не собиралась и дальше сидеть у них на шее. Я решила явиться в понедельник в кабинет к начальнику и хотя бы узнать, сколько он собирается мне платить. Если задуматься, эта работа просто свалилась с неба! Я вскочила, когда поезд остановился на станции “Сен-Поль”, и, расталкивая пассажиров, выбежала на платформу. Взлетела через две ступеньки по эскалатору и вприпрыж-

ку помчалась к нашей штаб-квартире, “Эль Паис”. Именно там почти сразу после начала занятий мы разбили наш базовый лагерь. Его первое преимущество заключалось в соседстве с коммерческой школой, куда я ненадолго забегала, чтобы показаться преподам и поддержать легенду о моей усердной учебе. Затем, это заведение было вполне себе неназистским, что нас устраивало: нас не привлекали всякие модные или крутые бары. На вид оно было грязноватым, запущенным — разболтанные табуреты у барной стойки, старый телевизор над ней, — но современный музыкальный центр обеспечивал правильную атмосферу. Нам тут было хорошо. Хозяин и бармен полюбили нас: их веселили наши истории, наши тощие кошельки, наш спринт в погоне за последним автобусом. “Эль Паис” стал для нас как бы продолжением собственных квартир, а они воспринимали нас как часть привычной обстановки. Я прижалась к витрине, скорчила всем рожу и только после этого распахнула дверь, всё еще на взводе.

— Празднуем все выходные! — завопила я, вздернув руки кверху.

— Тоже мне новость, — возразила Алиса, возвышавшаяся на табурете.

Безумно хохоча, я бросилась на шею сестре и изо всех сил прижала ее к себе. Она ухватилась за стойку, чтобы мы не свалились вдвоем на кафельный пол.

— Я нашла работу! — заорала я ей прямо в ухо.

Она оттолкнула меня и выпучила глаза подобно волку Текса Эйвери.